

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

«НА ПОСТОЕ»

**Сценарно-репертуарный сборник к 75-летию
Победы**

Махачкала – 2020 г.

Уважаемые коллеги!

В Год памяти и славы к 75-летию Победы подготовлен данный сборник, в который включены сценарии для использования в репертуаре народных театров, театральных студиях, КДУ, ЦК.

Рассматривая историю Победы, мы должны помнить, что одним из решающих факторов всемирно-исторической победы Советского Союза в Великой Отечественной войне над фашистской Германией явилось единство и сплоченность народов нашей многонациональной и многоконфессиональной страны. В суровые годы войны все народы нашей страны сплотились вокруг героического русского народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть Великой Отечественной войны.

С первых же дней войны и тысячи дагестанцев по зову сердца и Родины, прямо с митингов, прокатившихся по всем населенным пунктам Дагестана, направлялись в военные комиссариаты с заявлениями – зачислить их в ряды действующей армии добровольцами.

Многие ополченцы добровольно влились в ряды сражающейся Красной Армии. В дни войны целые партийно-комсомольские организации и семьи подавали заявления с просьбой отправить на фронт. А Абдулгамидов из аула Уркучи-Махи Акушинского района отправил на фронт 12 сыновей и внуков. Т.Тагирова из села Ахты проводила на фронт семерых сыновей. У Эфендиевых из сел. Кумух пятеро защищали

Родину, причем один из них был начальником политотдела дивизии, затем командиром полка. Шестеро братьев Исмаиловых из сел. Каха Ахтынского района сражались на фронте за Отечество. Четверо мужчин из семьи мегебца И. Гаджиева воевали с врагом. Один из них – Магомед Гаджиев – легендарный подводник, под его командованием подводная лодка провела небывалый в истории морских сражений бой в надводном положении с тремя кораблями противника: два из них уничтожили, а третьего обратили в бегство. Из семьи М. Магомедова из сел. Арчо Ахвахского района на фронт отправились семеро братьев, из них пятеро погибли. Ахмед Галимов из аула Усуг Курахского района отправил на фронт всех своих четырех сыновей, и все погибли на фронте сражаясь с фашизмом. В Дагестане почти не было семьи, из которой не отправились на фронт мужчины отстаивать независимость Родины. Всего в годы войны Дагестан дал фронту 180 тыс. мужественных воинов, из них погибло более 90 тыс. человек. Численность Дагестана, по данным переписи 1939 года, составляла 1023317 человек. Следовательно, число дагестанцев, отправленных на фронт в годы войны, нужно признать весомым. Дагестанцы плечом к плечу с сыновьями и дочерьми героического русского народа и других братских народов достойно защищали Родину и сражались на всех фронтах войны, на земле, море и в воздухе против немецко-фашистских агрессоров. Десятки тысяч дагестанцев награждены

орденами и медалями. 60 человек удостоены звания Героя Советского Союза, 7 человек стали полными кавалерами ордена Славы трех степеней. Трое дагестанцев в годы войны командовали дивизиями.

Ратный и трудовой подвиг дагестанцев на фронте и в тылу – свидетельство верности историческому выбору своих предков на веки веков быть в составе Российской Федерации и таких примеров немало. Достаточно отметить, что в апреле 1944 года в ходе операции по освобождению Крыма группа разведчиков, среди которых был уроженец аула Карата Ахвахского района Дагестана Магомед-Загид Абдулманапов, попала во вражеское окружение около села Ашага-Джами. Силы были неравны, нацистам удалось схватить героев. Во время допроса пленные не ответили на вопросы фашистов. Заметив, что М.-З. Абдулманапов не похож на русских, гитлеровцы набросились на него с вопросами, говоря: «Ты не русский. Чего же ты молчишь? Ведь ты чужой для них. Откуда ты?». Магомед-Загид Абдулманапов перед лицом смерти, выше жизни ставя дружбу народов нашей страны, гордо ответил: «Мы все дети одной матери-Родины – России».

В приветствии Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 13 ноября 1945 года в связи с 25-летием объявления советской автономии Дагестану подчеркивалось: «В годы Отечественной войны народы Дагестана показали свою преданность Родине. Тысячи воинов-дагестанцев

за мужество и отвагу, проявленные в боях с врагом Отчизны, награждены орденами и медалями Советского Союза. Самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции Дагестана способствовал завоеванию победы советского народа над врагом. Народы Дагестана, как и другие народы нашей страны, внесли достойный вклад в дело победы над врагом. Важное значение этого вклада особенно ясно видно, если учесть то обстоятельство, что трудящиеся Дагестана сами испытывали в суровые дни войны большие трудности. Они, как и другие народы страны, отказывали себе во многом необходимом, сознательно шли на серьезные материальные лишения, чтобы быстрее разгромить врага и приблизить Победу.

Из истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов следует непреложный урок для подрастающего поколения: лишь братское сотрудничество народов многонациональной Российской Федерации – гарантия безопасности и прогресса. В этой связи следует напомнить новым поколениям завет нашего земляка, уроженца Кизляра, выдающегося полководца Отечественной войны 1812 года Петра Ивановича Багратиона, который, умирая, подозвал племянника и сказал: «Я хочу, чтобы ты, как российский человек, хранил честь России». Хранить честь нашей многонациональной страны и делать все для обеспечения безопасности – долг каждого

россиянина, независимо от национальности помнить о тех, кто отдал жизнь за Победу.

В предложенный сборник для КДУ, ЦК, народный театров, а также театральных студий в Год памяти и славы к 75-летию Победы включены сценарии, в которых отражаются страницы боевой славы наших дагестанцев в годы Великой Отечественной войны.

«На постое» - это сценарий, который задуман с «продолжением» сюжета. Он может послужить творческой инициативе постановщика, т.е. продолжить сюжет истории молодого дагестанца, оказавшегося среди других участников боевых действий на линии фронта за Новороссийск.

Мирза – солдат–автоматчик из батальона стрелковой дивизии 18-ой Армии. Перед боем на постое мечтает, что фашизм будет побежден и после войны он вернется в свой любимый Дагестан. А данное обещание отцу он выполнит – женится и подарит ему внуков.

Как сложилось дальнейшая судьба одного из героев пьесы в канун первой недели сентября 1943 года остается неизвестной по сценарию. Вы его можете продолжить в контексте вашего воображения.

Вошли в сборник и сценарии, посвященные блокадному Ленинграду – «900 дней мужества», «Сталинградская битва», в которых может быть проведена творчески поисковая работа, заключающаяся в отслеживании героев, родом из

вашего села, района и города. Истории их могут быть и на слуху, рожденные в послевоенный период. Инсценировка по одноименному рассказу Х. Авшалумова «Сын» - это психологическая драма, которая разыгрывается на фронте, перенеся в мирную жизнь ее продолжение.

Точку в сценарии может поставить каждый режиссер по своему, дав другой оборот судьбы.

Предложенные сюжеты могут помочь приблизиться к психологии героев пьес и людей войны, их поступков, решений в контексте жизни – «на войне как на войне...». А также эти фронтовые истории могут показать простых, обычных людей, которые во время страшных испытаний не пали духом, а наоборот - становились героями. И очень важно, особенно в молодежной среде, в каждой инсценировке передать стойкость духа и энергию участников фронтовой жизни, их патриотизм, мужество и героизм, без которых невозможна была Победа.

«На постое»
(Драматический этюд)

Время действия: канун первой недели сентября 1943 года.

Место действия: село на линии фронта близ Новороссийска.

Действующие лица:

Василий, Степаныч, Мирза - солдаты-автоматчики из батальона стрелковой дивизии 18-й Армии;

Ядвига - сельская жительница

Иван - водитель из штаба 56-й Армии (брат Василия).

*Из-за кулис появляются солдаты в шинелях
и с вещмешками.*

СТЕПАНЫЧ. Хозяюшка...

ЯДВИГА. Ой, здравствуйте, люди добрые! Да вы не стойте в дверях, проходите.

МИРЗА (кивая). Мир вашему дому.

СТЕПАНЫЧ. Нас временно на постой определили в вашу хату.

ЯДВИГА. Я знаю, располагайтесь. Места всем хватит, я одна проживаю. Мужики мои воюют. Да проходите же.

ВАСИЛИЙ. Спасибо.

Солдаты проходят в комнату

СТЕПАНЫЧ. Стало быть, представиться надо?

ЯДВИГА. Так давайте знакомиться. Зовут меня Ядвига, всю жизнь так и называют без всякого отчества, а мне и приятно – будто всю жизнь молодая.

СТЕПАНЫЧ. Ну, значит, Ядвига. Меня кличут Степанычем, стало быть, я Степан Степаныч. Это мои бойцы из стрелкового батальона: Василий и Мирза.

ЯДВИГА. Доброго здоровья.

ВАСИЛИЙ. И вам, хозяйка.

ЯДВИГА. Снимайте свои шинели, я их во дворе почищу и развешу. Дождя вроде бы не должно быть, к утру и подсушатся и поразвеются.

СТЕПАНЫЧ. Да не трудитесь, пороховой гари из них все равно не выбить до конца войны.

ЯДВИГА. Побыстрее бы уж и конец-то был бы. Немец-то как лютует. Давайте, давайте свои шинели сюда.

*Солдаты отдают шинели Ядвиге, и та уходит
с ними за кулисы*

ВАСИЛИЙ. Мы вроде как квартиранты.

СТЕПАНЫЧ. Пехота долго сидеть не будет. Может, и завтра на Новороссийск пойдет.

МИРЗА. Откуда знаешь?

СТЕПАНЫЧ (обиженно). Да я, что, безглазый, что ли?! Вон пополнения сколько идет! Сегодня-завтра и дивизией всей двинем.

ВАСИЛИЙ. Вся наша 18-я Армия как навалится, да еще и подмогнут... и Новороссийск наш!

СТЕПАНЫЧ. Партизаны стараются.

ВАСИЛИЙ. Черноморцы с нами. Взять Новороссийск, а там и Крым будем освобождать от немца.

МИРЗА. Давно пора!

СТЕПАНЫЧ. Так ведь Харьков наш, неделю как взяли. А Киев пока под немцем.

ВАСИЛИЙ. И их скоро гнать будем, на всех фронтах наступление идет.

СТЕПАНЫЧ. А все потому, что Фрицу под Курском прикурить дали.

МИРЗА. А правда, что в Москве салют был?

СТЕПАНЫЧ. Правда. 12 артиллерийских залпов прогремело в честь наших войск, освободивших Орел и Белгород.

ВАСИЛИЙ. Теперь как будем города освобождать, так Москва и салютовать будет.

МИРЗА. Откуда знаешь?

ВАСИЛИЙ (гордо). У меня брат при штабе. Разведротой командовал, а как ранили так вообще списать хотели. Но Иван не такой, пока, говорит, враг мою землю топчет, воевать буду. Определили временно водителем, штабных возит. Его хорошо сам Андрей Антонович...

МИРЗА (с интересом). А кто это?

ВАСИЛИЙ. Командующий 56-й Армии – генерал Гречко. Они от нас недалеко.

СТЕПАНЫЧ (качая головой). И как это ты, Василь, язык-то за зубами удержал?

ВАСИЛИЙ. Да вот так. Это сейчас Иван водитель, а на передовой он уже и медаль и орден Красной Звезды заслужил.

СТЕПАНЫЧ. Вот молодец-то.

ВАСИЛИЙ (Мирзе). Когда с Верхнебаканской шли, там и свидались с братом. Несколько минут-то и поговорили, он и сказал: возьмем Новороссийск и в нашу честь Москва салют даст.

МИРЗА. Вот здорово! Значит, если я буду в наступлении и в честь меня артиллеристы палить будут?

СТЕПАНЫЧ. Каждого доля в салюте будет. Только побыстрее бы взять Новороссийск.

Входит Ядвига, услышав слова Степаныча, останавливается

ЯДВИГА (радостно). Значит, скоро освободят Новороссийск?! Вот радость-то... Я ведь родом оттуда, муж начальником цеха работал на цементном заводе «Октябрь»... До войны жизнь-то хорошая была. Я нянечкой в детском саду работала, дочка и сыновья при мне росли. (Вздыхая). Счастливы мы все тогда были...

СТЕПАНЫЧ. А как же вы здесь оказались?

ЯДВИГА. Муж из здешних мест... был.

СТЕПАНЫЧ. Был?

ЯДВИГА. Как война началась, он с сыновьями сразу в военкомат. Младшего отправили назад, только в

прошлом году призвали, а муж с Петром так и ушли на фронт...

СТЕПАНЫЧ. Да ты садись, хозяйка.

ЯДВИГА (присаживается). Похоронка через месяц пришла на мужа и письмо от Петра, старшего моего. Они ведь вместе воевали, вот и написал он, как отец-то погиб. Отступали тогда, а немец все бомбил и бомбил...

СТЕПАНЫЧ. Да... Нелегко тогда было, приходилось фашисту родные города отдавать, один за другим... Это уже погода силушку-то собрали, а как она тогда нужна была! Эх, война, война... Не хотела под немцем жить, смотреть на этих извергов и, бросив все, перебралась сюда, в заброшенный дом. Но не давали в Новороссийске врагу жить спокойно. Наши молодые патриоты то комендатуру подождут, то склад пустым оставят, сводки московские клеили, где писали, так, мол, и так на фронте... А то ведь ничего не знали, думали, что и Москву уже сдали... Фрицы соврнут – недорого возьмут.

Фашист тогда залютовал. Подпольщиков вешали на балконах жилых домов, на железо-бетонных сваях, а ведь совсем молоденькие были (всхлипывает).

МИРЗА. Не плачьте, хозяйка.

СТЕПАНЫЧ. За все с фашиста спросим – не уйдет от ответа.

ВАСИЛИЙ. Уйдет – догоним.

СТЕПАНЫЧ. А сыновья-то ваши где?

ЯДВИГА (гордо). Воюют! Старший, Петр, в инженерной бригаде на Западном фронте, а до войны на

инженера учился, по стопам отца пошел... А Митю в школу летчиков направили и уже с лета воюет в Воронежско-Киевской авиационной дивизии.

СТЕПАНЫЧ. Вы, Ядвига, просто молодец! Хороших сыновей воспитали.

ЯДВИГА. Вот как проводила их, так и не видела больше, только по солдатским треугольничкам и знаю о них.

МИРЗА. А меня у родника провожали и встречать так же будут.

ЯДВИГА. Почему у родника?

МИРЗА. У нас в горах традиция такая, у родника провожают и встречают у родника.

СТЕПАНЫЧ. Когда я уходил из-под Киева не до проводов было, немец наступал. Жену с дочерьми в эшелоне на Урал отправил и бегом в часть.

ЯДВИГА. Так с семьей и не виделись больше?

СТЕПАНЫЧ. Только одна весточка и была, что доехали и у сестры живут. Сами мы с Украины, сестра замуж вышла и с мужем завербовались на Магнитку, то бишь в Магнитогорск... Одно успокаивает, что война от них далеко.

ЯДВИГА (обращаясь к Мирзе и Василию). А вы, солдатики, женаты?

Мирза и Василий переглядываются

ВАСИЛИЙ. Я не успел... Все выбирал, выбирал... В Воронеже на тракторном работал, а в выходные на танцы в парк бегал.

ЯДВИГА (участливо). Что ж, так и не встретил хорошую девушку?

СТЕПАНЫЧ (улыбнувшись). И как это девки такого балагура упустили?

ВАСИЛИЙ. Так ведь любить надо. А что это такое – я так и не понял!

СТЕПАНЫЧ. Танцевал, небось, много, а на серьезные намерения и времени не хватило.

ВАСИЛИЙ (задумчиво). Может, оно и так... Думал, все впереди, встречу свою единственную... А тут война – и все!

ЯДВИГА. Нет, Вася, не все. Кончится война, придешь домой с победой и тогда уж точно встретишь свою любовь.

ВАСИЛИЙ. А как же я пойму, что это именно моя любовь?

ЯДВИГА. Сердце тебе подскажет. Оно не обманет, ты только слушай его.

СТЕПАНЫЧ. Это верно. Вот я свою жену на ярмарке в Запорожье встретил. Мы технику в колхозе закупали. Как увидел ее – так сердце и забилося. Мне и мысль даже не пришла, может, замужняя она или жених имеется. Подошел, представился, спросил... к вечеру с председателем к родителям ее пошли, а потом увез к себе. Трех дочек она мне родила. Вот хорошо-то.

МИРЗА. У нас говорят, когда три дочери – отец в рай попадает.

СТЕПАНЫЧ. Вот что я тебе скажу, джигит. Кто эту войну прошел – всем рай уготован, за все солдатские муки.

ЯДВИГА. Ой, верно, верно.

СТЕПАНЫЧ. И потом – это не предел. Вернусь с войны и сыновья у нас будут. Я такой, о чем задумал – значит, сбудется.

ЯДВИГА. Дай-то Бог! (Мирзе). А ты, солдатик, холостой или женатый?

Мирза смущается

ВАСИЛИЙ. Кавказцы на эту тему говорить не любят.

МИРЗА. Почему? Есть у меня невеста. Родители присмотрели, засватали для меня. Думали, урожай осенью соберем и уж тогда свадьбу сыграем. Так мой дедушка решил – его слово закон, ему скоро 90 лет будет. А когда война началась - в армию призвали.

ВАСИЛИЙ. Родители... Дедушка... Сам-то любишь её?

МИРЗА (Василию). Слушай, я тебя про любовь что-нибудь спрашивал? А зачем ты спрашиваешь?

ВАСИЛИЙ. Да мне просто интересно.

МИРЗА. У нас в горах про это не говорят. Моя Марьям очень хорошая девушка и семья у нее честная и уважаемая. Родители знают, что делают, а дети их слушаться должны. И тогда все хорошо будет.

ВАСИЛИЙ. Да я, что, против?

ЯДВИГА. Вася, что ты к нему пристаешь? Обычай у всех разные, главное, чтобы у молодых все сложилось.

ВАСИЛИЙ. Уж и спросить нельзя!

МИРЗА. Спрашивай.

ВАСИЛИЙ. Та вы, что, с невестами не встречаетесь, никуда не ходите погулять?

МИРЗА. Не принято у нас. В горах работать надо, а не гулять. Вот кончится война, приезжай ко мне на свадьбу, барашку зарежем... Сам наши скалы увидишь.

ВАСИЛИЙ (горячась). А что, и поеду! Я на Кавказе не был, только читал Толстого «Хаджи-Мурат», мне понравился этот герой.

МИРЗА. У нас все герои.

СТЕПАНЫЧ. Правильно, джигит, говоришь.

МИРЗА. Танцевать я только лезгинку умею, зато на скачках призы брал, с детства камни таскал, всей семьей дом строили. Он у нас большой всем места хватит. А невесту свою... наверное, люблю, не знаю... В прошлом году три месяца в госпитале в Ставрополе лежал, она письмо написала... С тех пор, когда сплю – снится.

ЯДВИГА. Видишь, какая хорошая девушка!

СТЕПАНЫЧ (достаёт вещмешок). Вот что, хозяйка. Бери-ка ты наш солдатский паёк и давай-ка поужинаем. А то уже смеркаться начало.

ЯДВИГА (вставляя). Да я свои харчи приготовила, как сказал председатель, что на постое солдаты будут, мне гречиху с колхоза выдали. А молоко у меня свое, коровку-то сберегла.

СТЕПАНЫЧ (отдавая сверток Ядвиге). Бери, хозяйка, уважь солдат. Знаем, что в тылу тоже не сладко.

ЯДВИГА (принимая сверток). Ну, как знаете, пойду в мазанку, займусь ужином, а вы отдыхайте спасибо всем.

СТЕПАНЫЧ (Василию). Пойдем, Василий, во двор, покурим. Мирза у нас некурящий, свою махорку нам отдает.

ВАСИЛИЙ (встав). Пойдем, Степаныч, посмолим.

Фонограмма шума подъезжающей машины. Ядвига направляется к выходу

ЯДВИГА. Чи, гости к нам, чи, кто приехал?

ВАСИЛИЙ. Может, от командира? Сборы уже?

МИРЗА. Говорили же в любую минуту могут объявить о наступлении.

СТЕПАНЫЧ (идя к двери). Да погоди ты...

ЯДВИГА (у левых кулис, всматриваясь вглубь). К нам военные идут вроде...

Иван разговаривает за кулисами

ИВАН. Доброго здравия вам!

ЯДВИГА (чуть отступив). И вам того же.

ИВАН. Мне сказали, что у вас на постое солдаты. Мне бы Василия, Шиянова. Брат он мой.

ЯДВИГА. Проходите, есть у нас Василий, правда, фамилию не знаю...

Из-за кулис появляется Иван

ВАСИЛИЙ (увидя Ивана, бросается к нему). Ванька!

ИВАН (kozyряя Степанычу). Здравия желаю, старшой. Извини, я к брату.

Василий и Иван обнимаются

ВАСИЛИЙ. Братка, как ты здесь оказался?

ИВАН. Я с штабными с обеда здесь. С вашим командованием, обговаривались вопросы наступательной операции на Новороссийск и Тамань. Больше ничего не спрашивай, сам понимаешь – разглашать нельзя.

ВАСИЛИЙ. Я понял, братка.

ИВАН. Времени у меня: две-три минуты. Как ты, Васька?

ВАСИЛИЙ. Как все братка. А это мои фронтовые друзья. Это наш Степаныч, а это Мирза Сабидов.

Обмениваются рукопожатием

ЯДВИГА (уходя). Уж так и хозяйка. Пойду за молочком, угощу гостя.

ИВАН (вслед Ядвиге). Не суетитесь, не надо ничего, мне бежать уже скоро.

Ядвига уходит за кулисы

ВАСИЛИЙ. От наших стариков какие вести?

ИВАН. Туговато родителям, а кому сейчас легко? Отец хворает часто, но мать держится, ты же знаешь, она у нас боевая.

ВАСИЛИЙ. Она самая лучшая, братка.

ИВАН. Ничего, все продержимся. Перемены на всех фронтах идут. Оборонительные бои в прошлое ушли, теперь только вперед!

ВАСИЛИЙ. Этим и живем, братка!

ИВАН (хлопая по плечу Василия). Увидел тебя и то хорошо. время мое вышло. Надо ехать, ждут меня.

ВАСИЛИЙ (роется в карманах галифе). Подожди, брат! Покажу тебе кое-что.

СТЕПАНЫЧ. Наш Василь не может без фокусов.

ВАСИЛИЙ (разглаживая по гимнастерке плакат). Вот, смотри сюда, брат, полюбуйся.

ИВАН (всматриваясь). Хороша листовка боевая.

ВАСИЛИЙ. Сам ты листовка! Это плакат Маврина. Читай, что написано!

ИВАН (читает). Иван – красный боец.

ВАСИЛИЙ (улыбаясь). Молодец! Это же про тебя написано.

ИВАН. Почему про меня? У нас в штабе три Ивана.

СТЕПАНЫЧ (подходя ближе, всматриваясь в плакат). Ну-ка, ну-ка... И что же здесь написано?

ВАСИЛИЙ. А вот я прочту сам, и поймете, что к чему. (Мирзе). Эй, Сабидов, иди сюда, послушаешь про моего Ивана сказ.

МИРЗА (подходя). Какой приказ?

ВАСИЛИЙ (Ивану). Видишь, брат, какие у нас бойцы. Все ждут приказа о наступлении, ни о чем другом и думать не могут...

СТЕПАНЫЧ. Все правильно, мы все на стрёме.

ИВАН. И армейцы на боевой готовности.

ВАСИЛИЙ. Так вы слушаете? Читать буду.

Входит Ядвига с крынкой молока

ЯДВИГА. Что читаете, солдатики?

ВАСИЛИЙ (подзывая к себе). Идите сюда, Ядвига. Про моего брата, Ваньку, писано.

СТЕПАНЫЧ. Так читай!

ВАСИЛИЙ (читает с плаката).

Вася парень был серьезный,

Выполняя долг колхозный

Не точил он ляс-баляс,

Но зато в досужий час

Рявкнет так своей гармошкой,

Что старуха топнет ножкой

И пойдет в веселый пляс.

(Обращаясь к Ивану). Ну, что, разве не твой портрет?

Ты же до войны первый гармонсит был.

ИВАН (довольно). Это точно.

СТЕПАНЫЧ. Читай дальше.

ВАСИЛИЙ (читает).

Чтоб священною войною

Обломать врагу клыки,

В бой пошли стальной стеною

Наши грозные полки.

МИРЗА. Правильно, нам зубы показывать не надо – свои имеем.

ВАСИЛИЙ (читает).

Боевой наш парень Ваня,

С ним его невеста, Маня... (Ивану). Ну, что, не про тебя ли и про Машу?

СТЕПАНЬЧ (чуть подталкивая локтем Ивана). Все верно?

ИВАН (улыбаясь). Так точно!

ВАСИЛИЙ (продолжает читать).

Перед матерью, отцом

Мы на фронт решили вместе –

Рады мы такой невесте.

Будь, Ванюша, молодцом,

Красным, доблестным бойцом!

ИВАН. Все верно – так и сказали.

ЯДВИГА. Благословили, значит?

ВАСИЛИЙ. Так все ж при мне и было; я тогда Ваньку три раза заставил «Три танксита» играть на гармонике.

Так и проводили их вместе.

ЯДВИГА. Так что ж, и воюете вместе?

ИВАН (утвердительно). Воюем.

ВАСИЛИЙ. Читаю дальше.

В жаркой схватке с подлым гадом

Воин, славный наш герой,

На смерть бьет врага прикладом.

Маша рядом: Ваня, крой!

ЯДВИГА. Да неужто правда?

ИВАН (кивая). Правда!
СТЕПАНЫЧ. Вот молодец!
ВАСИЛИЙ (Ивану). Слушай дальше.
Ваня, раненый снарядом,
Перевязан тут же рядом
Маней, чтимой всем отрядом,
Героической сестрой.
ЯДВИГА. И ранен был?
ИВАН. Защемило.
МИРЗА. И невеста рядом была?
ИВАН. Она и автоматчица, и медицинская сестра.
СТЕПАНЫЧ (хлопнув в ладоши). Вот это по-нашему!
ЯДВИГА. А что же дальше-то?
ВАСИЛИЙ (читая). А вот что!
Приналяжем всем народом,
Чтоб фашистским злым уродам
Позвоночник раздробить,
Вражью нечисть истребить!
ИВАН. Так и будет!
ВАСИЛИЙ (свернув плакат, подает его Ивану). Держи,
братка!
ИВАН (берет плакат). Спасибо.
СТЕПАНЫЧ. И невесте его покажи.
ИВАН. Непременно.

Слышатся сигналы машины. Иван торопится

ЯДВИГА (встрепенувшись). Так попей молочка на дорожку, Ваня.

ИВАН (спеша). Спасибо, Ядвига. Идти надо.
ЯДВИГА (сует кринку в руки Ивану). Нет, сынок, ты меня не обижай, выпей молока.

Иван отпивает несколько глотков и отдает кринку Ядвиге

ИВАН. Спасибо за все, Ядвига. Что ребят–солдат приютили, армии нашей помогаете, а мы не подведем.
ВАСИЛИЙ (обнимаясь с Иваном). Может, в бою и встретимся, братка? Береги себя и Машу.

Иван прощается с Мирзой и Степанычем

ИВАН (Степанычу). Ну что, Степаныч, до наступления?
СТЕПАНЫЧ. А как же! И Новороссийск и Тамань вновь наши будут, а там и Крым весь освободим.
МИРЗА. До Берлина дойдем!
СТЕПАНЫЧ. А як же? Конечно, дойдем, куда он денется!

Иван, махнув рукой на прощанье, уходит в сторону левых кулис

ЯДВИГА (вслед). Помогите, Боже, ему и всем нашим славным солдатикам. побыстрее бы война-то проклятая кончилась, уж и мочи-то терпеть нету этих фашистов.
СТЕПАНЫЧ (Ядвиге). И терпеть, и воевать надо...

ВАСИЛИЙ. И гнать с нашей земли эту немчуру без вздоху и продыху.

МИРЗА. Разве мы не воюем?

СТЕПАНЫЧ. Еще лучше надо с ними биться, а придется и кровушки своей отдать, и жизнь свою.

ВАСИЛИЙ. Это правильно, так и надо.

ЯДВИГА. А когда же на Новороссийск пойдете?

СТЕПАНЫЧ. Ждем приказа.

ВАСИЛИЙ. Еще как ждем!

СТЕПАНЫЧ. Может, и ночью в ружье подымут – и пойдем!

ЯДВИГА. Так отдохнули бы на покоех, пока ужин приготовлю.

СТЕПАНЫЧ. Да ты, хозяйка, не суетись, успеется еще, мы подождем, нам еще оружие чистить. Все должно быть наготове.

Затемнение

«900 ДНЕЙ МУЖЕСТВА»

(Сценарий, посвященный блокаднему Ленинграду)

ЧТЕЦ (1): 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на советскую страну внезапно, вероломно, разорвав договор о ненападении. Фашизм пустил на нас всю хорошо рассчитанную машину войны, продумав в своих коварных планах все до мелочей, вплоть до пригласительных билетов на банкеты победителей в Москве и Ленинграде.

ЧТЕЦ (2): Как же Гитлеру хотелось захватить Ленинград! Он бросил на город отборные части, вооруженные лучшей военной техникой. Гитлер рассчитывал взять его с ходу.

Звучит аудиозапись песни «Священная война» муз. А. Александрова, сл. В. Лебедева-Кумача

ЧТЕЦ (3):

Враги ломились в город наш свободный,
крошились камни городских ворот.
Но вышел на проспект Международный
вооруженный трудовой народ.
Он шел с бессмертным возгласом в груди:
– Умрем, но Красный Питер не сдадим!

ЧТЕЦ (1):

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
формировали новые отряды,
и собирал бутылки каждый дом,
и собственную строил баррикаду.

ЧТЕЦ (2):

И вот за это – долгими ночами
пытал нас враг железом и огнем.
Ты сдашься, струсешь, –
бомбы нам
кричали, –
забьешься в землю, упадешь
ничком...
Дрожа, запросят плена, как пощады,
не только люди – камни Ленинграда.

ЧТЕЦ (3):

Но мы стояли на высоких крышах
с закинутою к небу головой,
не покидали хрупких наших вышек,
лопату, сжав немеющей рукой.

ЧТЕЦ (1):

Наступит день, и, радуясь, спеша,
еще печальных не убрав развалин,
мы будем так наш город украшать,
как люди никогда не украшали.

ЧТЕЦ (2): В сентябре 1941 года один из гитлеровских вояк записал в своем дневнике: «Мы думали маршировать по улицам Ленинграда к 1 августа. Черта с два. Русские все более удивляют нас своим упорством. Бьются до последнего патрона! Невиданное, неслыханное, дьявольское упорство. Похоронные команды делают кладбище за кладбищем для наших солдат и офицеров».

ЧТЕЦ (3): Не менее красноречива запись в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск немецко-фашистской армии генерал-полковника Гель-дера от 18 сентября 1941 года. «Кольцо вокруг Ленинграда, – писал он, – пока не замкнуто так плотно, как хотелось бы... У противника сосредоточены крупные людские и материальные силы и средства. Положение здесь будет напряженным, пока в качестве союзника не даст себя почувствовать голод!» Голод! Вот на что надеялись немецко-фашистские захватчики...

ЧТЕЦ (1): 30 августа 1941 года была перерезана последняя железная дорога, связывающая Ленинград со страной. Так образовалось кольцо сухопутной блокады Ленинграда. Постепенно иссякли материальные и продовольственные ресурсы города. Кончились запасы топлива, перестали работать электростанции. Прекратилась подача воды в дома и на предприятия. Остановился общественный транспорт.

ЧТЕЦ (2): Зима 1941-1942 годов оказалась трудным, жестоким временем для ленинградцев.

ЧТЕЦ (3):

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

ЧТЕЦ (1):

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

ЧТЕЦ (2):

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

ЧТЕЦ (1): Немцы уже рассматривали улицы Ленинграда в простейшие бинокли. И, взбешенные героизмом защитников Ленинграда, стремились разрушить город варварскими артиллерийскими обстрелами и бомбардировками.

ЧТЕЦ (2): 658 550 ленинградцев погибли от артобстрелов, бомбардировок и голода.

ЧТЕЦ (3):

Для трижды ненавистного врага,

С какой бы он сюда ни рвался силой,
С времен Петра вот эти берега
Холодной раскрываются могилой.

ЧТЕЦ (1):

Пусть время мчится и гудит в ушах,
И крошится кремневая порода.
По-прежнему тяжел упругий шаг
Воинственного русского народа!

ЧТЕЦ (2):

Сквозь смерть и голод, через дым и гром,
Сквозь розовое медленное пламя,
Над проклятым поверженным врагом
Мы пронесли солдатской славы знамя.

ЧТЕЦ (3):

России сын, столицы первый брат,
Перетерпевший все земные муки,
По-прежнему сегодня Ленинград
Свободные протягивает руки.

ЧТЕЦ (1): Героизм ленинградцев во время блокады проявился и в том, что люди в нечеловеческих условиях, в смертельной опасности с готовностью, всегда добровольно, лишь бы позволили силы, шли на самые трудные работы. Молча, на разговоры не было сил, люди рыли траншеи, очищали город от снега, убирали трупы, молча стояли в очередях, молча ждали возможности опустить ведро в прорубь. Молча и

решительно, молча и вдохновенно. Жители Ленинграда просто не думали о том, что совершают подвиг. Это было естественно, как дышать, так же естественно, но не всегда выполнимо, как есть. Поэтесса Ольга Бергольц писала: «Дыша одним дыханьем с Ленинградом, я не геройствовала, а жила».

ЧТЕЦ (2): В сентябре 1941г начала действовать знаменитая Дорога жизни - водная трасса по Ладожскому озеру летом и ледовая – зимой. В условиях блокады она была единственной возможной транспортной коммуникацией, связывающей Ленинград с тылом. Каждый рейс по озеру был подвигом. По ней направлялись в город из глубины страны пополнение в войска, боеприпасы, топливо. Отсюда они переправлялись на баржах и небольших судах на западный берег, а затем их доставляли в Ленинград по железной дороге. Пропускная способность этого пути была невелика. Сильные осенние штормы и непрерывные бомбардировки врага значительно замедляли темп перевозок.

ЧТЕЦ (3): Суда, доставившие на западный берег грузы, выходили в обратный рейс с эвакуируемыми из города детьми, женщинами, стариками, тяжелоранеными воинами, вывозили заводское оборудование, рабочих специалистов и их семьи, ценные произведения культуры и искусства.

ЧТЕЦ (1): В Ленинграде начался голод. С 13 ноября 1941 г. норма выдачи хлеба населению была снижена. Рабочие и инженерно-технические работники получали

по 300 г хлеба, а все остальные – по 150 г. Через неделю, когда прекратилась навигация по Ладожскому озеру и в Ленинград почти совсем перестали поступать продукты, этот скудный паёк пришлось урезать. Население стало получать самую низкую норму за всё время блокады – 250г на рабочую карточку и 125 г – на все остальные.

ЧТЕЦ (2): Чтобы заполнить пустые желудки, заглушить ни с чем не сравнимые страдания от голода, жители прибегали к различным способам изыскания пищи: ловили грачей, яростно охотились за уцелевшей кошкой или собакой, из домашних аптек выбирали всё, что можно применить в пищу: касторку, вазелин, глицерин; из столярного клея варили суп, студень.

ЧТЕЦ (3): Пришли другие бедствия. В конце ноября ударили морозы. Ртуть в термометре приближалась к отметке 40 градусов. Замёрзли водопроводные и канализационные трубы, жители остались без воды. Вскоре подошло к концу топливо. Перестали работать электростанции, в домах погас свет, внутренние стены квартир покрылись изморозью.

ЧТЕЦ (1): Ленинградцы начали устанавливать в комнатах, выводя трубы в окна, железные печки – временки. В них сжигали столы, стулья, платяные и книжные шкафы, диваны, паркетные плитки пола, а затем и книги. Но, подобного топлива хватило ненадолго. Целые семьи гибли от холода и голода.

ЧТЕЦ (2): К декабрю 1941г. город оказался в ледяном плену. Улицы и площади занесло снегом, закрывшим

первые этажи домов. Остановившиеся на улицах трамваи и троллейбусы были похожи на огромные сугробы. Безжизненно повисли белые нити оборванных проводов.

ЧТЕЦ (3): Но город жил и боролся. Заводы продолжали выпускать военную продукцию. Голодные, измученные люди, повинувшись велению сердца и долгу, находили в себе силы работать у станков.

ЧТЕЦ (1): Несмотря на героизм и мужество населения, положение в осаждённом Ленинграде с каждым днём ухудшалось. К двадцатым числам ноября 1941г. запасы продовольствия подошли к концу. Хлеба, даже при мизерном расходе муки – около 880т в сутки, могло хватить лишь на несколько дней.

ЧТЕЦ (2): 19 ноября Военный совет Ленинградского фронта подписал приказ об организации перевозок по Ладожскому озеру, о прокладке ледовой дороги, её охране и обороне. Лёд был ещё тонкий, но голодный Ленинград не ждал. И 20 ноября по Ладоге пошёл санный обоз. Затем вышли в рейс автомашины.

ЧТЕЦ (3): Работу ледовой дороги очень затрудняла вражеская авиация. В первые недели фашистские лётчики почти безнаказанно расстреливали с бреющего полёта автомашины, обогревательные и санитарные палатки, фугасными бомбами разбивали лёд на трассе. Для прикрытия Дороги жизни командование Ленинградского фронта установило на льду Ладоги зенитные орудия, большое количество зенитных

пулемётов. Была также привлечена истребительная авиация фронта.

ЧТЕЦ (1): Уже в конце ноября 1941г. по Ладоге началась эвакуация жителей в глубь страны. Но массовый характер эвакуация приняла лишь в январе 1942г, когда окреп лёд. Из заблокированного города уезжали в первую очередь дети, женщины с детьми, больные, раненые и инвалиды.

ЧТЕЦ (2): В начале апреля 1942г. растаял снег, лёд на озере покрылся водой местами на тридцать – сорок сантиметров. Но движение по Дороге жизни не прерывалось. Машины шли, словно катера, поднимая вокруг себя волну. Лишь красные флажки на буйках указывали путь отважным шофёрам. 24 апреля, когда стал разрушаться снежный покров, Ладожская ледовая трасса была закрыта.

С 24 ноября 1941г. по 21 апреля 1942г. через Ладожское озеро в Ленинград было доставлено 361 309 т грузов, три четверти которых составляли продовольствие и фураж.

ЧТЕЦ (3): По Ладожской ледовой трассе с 22 января по 15 апреля 1942 года были эвакуированы из Ленинграда 554 186 человек – старики, женщин, детей.

ЧТЕЦ (1): «...Во время осады и голода Ленинград жил напряженно-духовной жизнью... В осажденном Ленинграде удивительно много читали. Читали классиков, читали поэтов, читали в землянках и дотах, читали на батареях. Охापками брали книги у умирающих библиотекарей и в бесчисленных

промерзлых квартирах, лежа, при свете коптилок читали. И очень много писали стихов» (из воспоминаний Н. Чуковского).

ЧТЕЦ (2): В осажденном городе грохотали пушки, но музы не молчали. 9 августа 1942 года состоялась ленинградская премьера Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича.

*Тихо звучит аудиозапись Седьмой симфонии
Д. Шостаковича*

Симфония звучала не только как вызов врагу, но и как предвестник победы. «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе, победе над врагом, моему родному городу Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию», – писал Дмитрий Шостакович.

*Звучит вторая часть Седьмой симфонии Д.
Шостаковича. На экран проецируются портрет Тани ^
Савичевой и строки из ее дневника*

ЧТЕЦ (3):

На берегу Невы,
В музейном зданье,
Хранится очень скромный дневничок.
Его писала Савичева Таня.
Он каждого пришедшего влечет.
Пред ним стоят сельчане,
горожане,

От старца –
До наивного мальчика.
И письменная сущность
содержанья
Ошеломляет
Души и сердца.

ЧТЕЦ (1):

Это – всем живущим
в назиданье,
Чтобы каждый в суть явлений вник,
– Время Возвышает
Образ Тани
И ее доподлинный дневник.
Над любыми в мире дневниками
Он восходит, как звезда, с руки.
И гласят о жизненном накале
Сорок две святых его строки.
В каждом слове – емкость

телеграммы,
Глубь подтекста,
Ключ к людской судьбе,
Свет души, простой
и многогранной,
И почти молчанье о себе...

Зачитывает строки из дневника Тани Савичевой

ЧТЕЦ (2): Обычная ленинградская девочка... Она была дочерью пекаря и белошвейки, младшей в семье, всеми любимой. Лето 1941-го года Савичевы собирались провести в деревне. Утро 22-го июня, принесшее войну, изменило планы. Сплоченная семья Савичевых решила остаться в Ленинграде, держаться вместе, помогать фронту.

ЧТЕЦ (3): Таня тоже не сидела, сложа руки. Вместе с другими ребятами она помогала взрослым тушить «зажигалки», рыть траншеи. Но кольцо блокады быстро сжималось – по плану Гитлера, Ленинград следовало «задушить голодом и сровнять с землей». Однажды не вернулась с работы сестра Нина. В этот день был сильный обстрел, дома беспокоились и ждали. Но когда прошли все сроки, мать отдала Тане, в память о сестре, ее маленькую записную книжку, в которой девочка и делала свои записи.

ЧТЕЦ (1): Сестра Женя умерла прямо на заводе. Работала по 2 смены, а потом еще сдавала кровь, и сил не хватило. Скоро отвезли на Пискаревское кладбище и бабушку – сердце не выдержало.

Таня все чаще открывала свою записную книжку – один за другим ушли из жизни ее дяди, а потом и мама.

ЧТЕЦ (2): Детская рука, теряющая силы от голода, писала неровно, скупо. Хрупкая душа, пораженная невыносимыми страданиями, была уже не способна на живые эмоции. Таня просто фиксировала реальные факты своего бытия – трагические «визиты смерти» в родной дом. И когда читаешь это, цепенеешь:

«28 декабря 1941 года. Женя умерла в 12.30 ночи.1941 года».

«Бабушка умерла 25 января в 3 часа 1942 г.».

«Лека умер 17 марта в 5 часов утра. 1942 г.».

«Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа дня. 1942 год».

«Дядя Леша, 10 мая в 4 часа дня. 1942 год».

«Мама – 13 марта в 7 часов 30 минут утра. 1942»

«Умерли все». «Осталась одна Таня».

ЧТЕЦ (3): Дневник Тани Савичевой не был издан, в нем всего 7 страшных записей о гибели ее большой семьи в блокадном Ленинграде. Эта маленькая записная книжка была предъявлена на Нюрнбергском процессе, в качестве документа, обвиняющего фашизм.

ЧТЕЦ (1):

Время удлиняет расстоянья

Между всеми нами и тобой.

Встань пред миром, Савичева

Таня,

Со своей

Немыслимой судьбой!

Пусть из поколенья в поколенья

Эстафетно

Шествует она,

Пусть живет, не ведая старенья,

И гласит

Про наши времена!

ЧТЕЦ (2): За 900 дней блокады заводы Ленинграда дали фронту более 2 тысяч танков, 1500 самолетов, 150 тяжелых морских орудий, 4500 полевых орудий разных калибров, 12 тысяч минометов, 212 тысяч единиц стрелкового оружия, более 7 миллионов артиллерийских снарядов и мин. А ведь город голодал...

ЧТЕЦ (3): 18 января 1943 года блокада была прорвана. В конце января 1944 года город был полностью освобожден от вражеской блокады. Мужество и стойкость советских воинов и населения слились в едином стремлении – отстоять родной город.

ЧТЕЦ (1): За стойкость и героизм в период 900-дневной блокады Ленинград получил звание город-герой, а его защитники были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

ЧТЕЦ (2):

Помните!

Через века,
через года, –
помните!

О тех, кто уже не придет
никогда,
– помните!

Не плачьте!

В горле
сдержите стоны,
горькие стоны.

Памяти павших будьте

достойны!
Вечно достойны!
Хлебом и песней,
мечтой и стихами,
жизнью
просторной,
каждой секундой,
каждым дыханьем
будьте достойны!
Люди!
Покуда сердца
стучатся,
– помните!
Какою ценой
завоевано счастье,
– пожалуйста,
помните!
Песню свою
отправляя в полет, –
помните!
О тех, кто уже никогда
не споет, –
помните!
Детям своим
расскажите о них,
чтоб
запомнили!
Детям
детей

чтобы тоже запомнили!
Во все времена
бессмертной
Земли помните!
К мерцающим звездам
ведя корабли, –
о погибших помните!
Встречайте
трепетную весну,
люди Земли.
Убейте
войну,
прокляните войну,
люди Земли!
Мечту пронесите
через года
и жизнью наполните!..
Но о тех,
кто уже не придет
никогда, –
заклинаю, – помните!

*Звучит аудиозапись песни «День Победы» муз. Д.
Тухманова, сл. В. Харитонова
Стихотворение О. Берггольц «Ленинградский салют»*

И снова мир с восторгом слышит
Салюта русского раскат.
О, это полной грудью дышит

Освобожденный Ленинград!
Какой же правдой ныне стало,
Какой грозой свершилось то,
Что исступленною мечтой,
Что бредом гордости казалось!
Так пусть же мир сегодня слышит
Салюта русского раскат.
Да, это мстит, ликует, дышит
Победоносный Ленинград!
Опять война,
Опять блокада, –
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне.
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне».
И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда
Не права!
Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она, как сила, нам нужна.

«СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА»

Сценарий, посвященный Сталинградской битве

*Оформление: знамя Победы, тематические плакаты,
фотографии, цветы, костюмы*

Выходят ведущие, мальчики и девочки

Чтец 1:

Кинохроника 43 года...

В кинозале грохочет, ревет непогода,

Заметает окопы на дымной равнине,

И в снегах серебрится отсвеченный иней.

Предрассветная Волга. Обугленный берег.

С пулемётами люди бегут. Переправа...

В этих кадрах пристрастных, мгновенных

Только правда, суровая правда!

Кто они – летописцы тех подвигов ратных,

Здесь стоявшие насмерть у Волги?

Они подлинно знали, что их кинокадры

Документами станут эпохи.

Чтец 2: 75 лет назад отгремела Великая Отечественная война, но ее отголоски слышны до сих пор. В нашей истории есть события, золотом горящие на скрижалях ее ратной славы. И одно из них – Сталинградская битва. Гигантское по масштабам сражение развернулось во второй половине 1942 года на берегах Волги. На отдельных этапах в нем с обеих сторон участвовало

более двух миллионов человек, около 30 тысяч орудий, более двух тысяч самолетов и такое же количество танков.

Чтец 3: За время Сталинградской битвы Вермахт потерял четверть своих сил, сосредоточенных на Восточном фронте. Его потери убитыми, пропавшими без вести и ранеными – составили около полутора миллионов солдат и офицеров. Взятие Сталинграда могло иметь для СССР катастрофические последствия. Оборонительные бои продолжались 57 дней и ночей. 28 июля нарком обороны Сталин издал приказ № 227, известный больше как «Ни шагу назад!». К началу решительного наступления немецкое командование заметно усилило 6-ю армию Паулюса.

Чтец 4: Гитлер истерично требовал любой ценой взять волжскую цитадель. Командир батальона армии Паулюса Вельц впоследствии писал, что вспоминает это как страшный сон, «Утром пять немецких батальонов уходят в атаку и почти никто не возвращается. На следующее утро все повторяется снова...».

Чтец 5: Подступы к Сталинграду действительно усеивали трупы солдат и остовы сгоревших танков. Не зря немцы прозвали путь к городу «Дорогой смерти».

Выходят восьмиклассники

Сталинград – это боль, это муки,
В Сталинграде лишь плач матерей.

Вот берет мать дитя свое в руки
И несется сквозь пули быстреей.
Реки крови и свист пулеметов
Не забудет дитя никогда.
Горы трупов умерших солдат,
Крики помощи, но в никуда.
Серый дым разрушенных зданий,
Самолет подбитый летит.
Людам нечего есть, голодают,
Много раненых, но врач – дефицит.
Умирали от пуль, от гранаты,
Замерзали насмерть порой.
Гибли, гибли наши солдаты
В Сталинграде, под Курском, Москвой...
Мать с дитем кое-как выживала,
Все что есть, отдавала ему,
Еле-еле еду доставала,
Все ему, все ему одному.
Вот прошло много лет, но я помню
Горы трупов умерших солдат.
Моя мама бежала сквозь пули.
Ты сгубил ее, Сталинград!

Ученик: Первые вражеские самолёты появились в Сталинграде около четырёх часов дня. Встретившись над городом, самолёты, пришедшие с востока и с запада, с севера и с юга, пошли на снижение, и казалось, они снижались оттого, что летнее небо провисло, осело от тяжести металла и взрывчатки.

Ученица: Бомбы достигли земли и врезались в город, дома умирали так же, как умирают люди.

Ученик: Обнажились согнутые водопроводные трубы, железные балки, пряди проводов... Тысячи домов ослепли. Под ударами взрывных волн массивные трамвайные провода со звоном и скрежетом падали на землю, зеркальные стёкла витрин вытекали из рам. Трамваи, автомобили, автобусы, паровозы – всё остановилось.

Ученица: Известковая и кирпичная пыль густо поднялась в воздух, туман встал над городом, пополз вниз по Волге.

Ученик:

...Здесь битва небывалая идёт.

На жизнь и смерть. И сталь гудит зловеще

И изрыгает бешенство огня.

И на ветру пронзительно скрежещет

Снарядом раздроблённая броня.

...Зелёные и синие ракеты

Густую ночь, как одеяло, рвут,

И танки, опрокинутые где-то,

Как раненые мамонты ревут.

С когтистыми распятиями свастик,

Они ползут сквозь брустверы и рвы.

На башнях, неуклюжих и горбастых,

Сплошная грязь, пучки сырой травы.

...А сколько их сюда нагнали, жадных

До нашей русской, золотой земли,

А сколько их гниёт в траншеях смрадных,
И слягут те, кто нынче не легли.
...Пусть вихрь сильней. И дождь наотмашь хлещет,
И над землёю сладковатый чад.
Над трупами, раздутыми зловеще,
Медлительные коршуны кричат.
Мы выживем. Хотя б во имя долга.
Мы вырвемся к широкой синеве.
Мы в даль войдём, как в Каспий входит Волга,
Отстаивая Волгу на Неве.
Да так, чтоб песня птицею плыла.
Не иволги малиновое горло –
Здесь нужен клёкот горного орла.

Ученица: Стало разгораться пламя пожаров, вызванных десятками тысяч зажигательных бомб... В дыму, пыли, огне, среди грохота, потрясавшего небо, воду и землю, погибал огромный город, Ужасна была эта картина, и всё же ужаснее был меркнущий в смерти взгляд шестилетнего человека, задавленного железной балкой. Есть сила, которая может поднять из праха огромные города, но нет в мире силы, которая могла бы поднять лёгкие ресницы над глазами мёртвого ребёнка.

Ученик: Человеческое страдание! Вспомнят ли о нём грядущие века? Оно не останется, как останутся камни огромных домов и слава генералов; оно – слёзы и шёпот, последние вздохи и хрипы умирающих, крик отчаяния и боли – всё исчезнет без следа вместе с дымом и пылью, которые ветер разнесёт над степью.

Танец под песню Софии Ротару «Школьный вальс»

Ученик:

Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.
Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России –
И всю ее прикрыл собой!

Ученица: В городе давно нет безопасных мест, но люди уже привыкли к отсутствию безопасности. Осаждающие стараются сделать из этого города ад. Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой и земля содрогается под ногами. Опаленные трупы женщин и детей, сожженных фашистами на одном из пароходов, взывая к мести, лежат на прибрежном песке.

Ученица: Немцы сбрасывают над городом листовки: «Сдавайтесь!» Листки немецкой бумаги превращаются в пепел еще на высоте в тысячу метров – город сжигает их своим гордым огнем. В Сталинграде нет крепостей, нет скал и пещер, он вытянулся узкой полосой на голой, открытой со всех сторон земле, и за спиной у него Волга. И все же растерзанный бомбами город вышел на бой, и десятки гитлеровских дивизий уперлись в него, как в скалу, скребут танками, долбят самолетами,

подтачивают минами, тысячами солдатских трупов падают к его ногам, но город стоит, город сражается.

Звучит старинная немецкая музыка. Дети расступаются, девушка – «немка», нарядно одетая, сидит за столом и читает письмо немецкого солдата. Она радостно улыбается, целует письмо

Немка (*читает*): «Дорогая Клара. Утром я был потрясен прекрасным зрелищем: впервые сквозь огонь и дым увидел я Волгу, спокойно и величаво текущую в своем русле. Итак, мы достигли желанной цели – Волга! Но Сталинград еще в руках русских, и впереди жестокие бои... Почему русские уперлись на этом берегу? Это безумие...»

Ученик:

Клятва гвардейцев.
До Волги фашистскими толпами
Истоптан ковыль степной,
Но топчется враг возле города,
Стоит пред стальной стеной.
Она из отваги построена
И верных сердец солдат.
Не выдержат камни, но выстоит,
Но выдержит до конца,
До самых последних выстрелов
Железная воля бойца.
Захватчиков залпами меткими

Здесь каждый встречает дом.
Что с планами станет немецкими,
Могилы расскажут потом.
И мечется враг перед стенами,
Не знает, что его ждёт...
Покрытый кровавою пеною,
Он всё ещё рвётся вперед.
Высоким примером для воина
Стоит богатырь Сталинград.
Пусть крыши сметает снарядами
И рушатся этажи, –
Завалы теперь баррикадами
Бойницами будут служить!
Он всё на победу надеется –
Кричит, что взят Сталинград, –
Но клятва дана гвардейцами:
Отсюда – ни шагу назад!
Как бился ты в годы суровые,
В веках будут песни петь.
Если враг бросит полчища новые, –
Ты сможешь всех одолеть!

Ученица: В роковые часы гибели огромного города свершалось нечто поистине великое – в крови и в раскалённом каменном тумане среди горячего пепла и дыма неистребимо жила и упрямо пробивалась сила советского человека, его любви, верности свободе. Именно эта неистребимая сила торжествовала над ужасным, но тщетным насилием поработителей. И с

каждым днём среди развалин старого мирного города
рос новый город – город войны.

*Снова выступающие расступаются, и мы видим
девушку, сидящую за столом. Девушка - «немка» читает
письмо немецкого солдата. Она всё ещё радостна и
весела, кружится под старинную музыку по сцене.*

Немец (*читает*): «В самом деле, какого чёрта эти
русские всё ещё цепляются за какие-то клочки своей
земли? Всё равно Сталинград – немецкий город и
немцы никогда отсюда не уйдут. Пора понять. Что
немцы приходят и никогда не уходят... Так сказал
фюрер».

Ученик:

В городе на Волге
Как трудно было умирать
Солдатам, помнящим о долге,
В том самом городе на Волге –
Глаза навеки закрывать.
Как страшно было умирать:
Давно оставлена граница,
А огневая колесница
Войны ещё ни шагу вспять...
Как горько было умирать:
«Чем ты подкошена, Россия?
Чужою силой иль бессильем
Своим?» – им так хотелось знать.
А пуще им хотелось знать,

Солдатам, помнящим о долге,
Чем битва кончится на Волге,
Чтоб легче было умирать...
Волгоград – Сталинград,
рядовой и комбат здесь лежат,
невзирая на званья.
Молча люди стоят.
Журавли пролетят,
и курлыканье, как отпеванье.

Звучит песня «Журавли»

Ученицы: Это письмо девушек Сталинграда к защитникам города: «В эти тяжёлые дни девушки Сталинграда с вами, любимые воины! Посмотрите назад – и вы увидите, что они в нескольких десятках, сотнях метров от передней линии обороны работают медицинскими сёстрами, строят баррикады, в заводских цехах делают мины, снаряды, ремонтируют пушки и танки, а в решительный час выходят с оружием на линию огня отстаивать свой завод... Сталинград – это город нашей молодости. В расцвете сил и надежд его строила и украшала молодёжь всей страны. Дорогие воины! Защитники Сталинграда! Наше счастье и будущее, наша молодость – в ваших руках. Исполните вы свой долг перед Родиной, перед всем народом, и тогда обожжённые камни нашего города враг разобьёт голову, ляжет костью у ворот славного Сталинграда. Обнимаем вас, дорогие воины, и ждём победы над ненавистным врагом. 11 сентября 1942г.»

Ученица (*в тёмной одежде, с тёмным платком на голове*):

Дым на заре.

Милый, родной, если бой угас,

Если металл остыл,

В дальней стране в предвечерний час

Что вспоминаешь ты:

Стройку свою на крутой горе,

Гул разбитных голосов,

Лёгкий, отчётливый на заре

Контур сквозных лесов,

Вечер наш первый, зарю с грозой,

Сумерки без огня

Или толстушку с большой косой,

Прежнюю, ту, меня?

Я не сильна, не боец, не герой,

Но посмотрю назад:

Встал за спиной сорок второй,

Встал за спиной Сталинград.

Встал за спиной сомкнутый строй

Тех, что костями легли.

Женщина я, не боец, не герой.

Но я войду в Берлин.

Так приказала мне жизнь и смерть,

Память моя и кровь.

Дым на заре, дым на заре,

Ненависть, гнев, любовь.

Ученик: Враги поняли, что город живьём не взять. Тогда они решили убить его, доконать медленной пыткой. Они поднимали в воздух тысячи тонн бомб и бросали их на улицы и площади, где ещё недавно девушки продавали цветы, на бульвары и парки, где садовники берегли молодые деревья, на базары, где раньше шумно торговались хозяйки, на школы, больницы, жилые дома. Немцы опять перешли в наступление, но город восстал из пепла, чёрный, обугленный, он жил, он сражался. 16 ноября.

Немка (*плачет, читая письмо*): «Дорогая Клара! Сегодня получил твое письмо. Ты надеешься, что до Рождества мы вернемся в Германию, и все уверены, что Сталинград в наших руках. Какое великое заблуждение! Этот город превратил нас в толпу бесчувственных мертвецов... Сталинград – это ад! Каждый божий день мы атакуем. Но даже если утром мы продвигаемся на двадцать метров, вечером нас отбрасывают назад... Физически и духовно один русский солдат сильнее целого нашего отделения...».

Ученица:

Когда, изранена стократ,
Сама земля горела,
Когда фашисты в Сталинград
Рвались остервенело,
Дошел до рации, звеня,
Скупой приказ комбата:
– Огонь давайте на меня,

Скорей огонь, ребята!
Тот крик души, прорезав тьму,
В ушах стучал неистов.
Но не могли по своему
Стрелять артиллеристы.
А он никак не умолкал,
Покрыв пальбы раскаты,
Свой долг их выполнить он звал:
Огонь, огонь, солдаты!..
Он то молил их, как друзей,
И старых, и безусых,
То клял их силой сердца всей,
Как подлецов и трусов
Грозился, мертвый, их кляня,
Обиду помнить свято:
– Огонь давайте на меня,
Скорей огонь, ребята:
Не прерываясь, он гремел,
Хлестал в сердца и лица,
И долг солдатский повелел
Приказу подчиниться.
Над громом пушек вился он
В дыму - над батареей:
– Огонь! - Огонь! - Огонь! - Огонь!
Пылая, голос реял...
За грозным валом, в свой черед,
Подобна урагану,
Рванулась гвардия вперед
К Мамаеву кургану.

И на вершине лишь, скорбя,
Смогли увидеть люди,
Зачем он вызвал на себя
Огонь своих орудий!...
Закрыв дорогу он врагу,
Став огневою целью.
Все трупы, трупы на снегу-
Зеленые шинели...
И, вверх подняв
Свой мертвый взгляд,
В победу полный веры,
Среди врагов лежал комбат,
Один - в шинели серой.

*Опять выступающие расходятся в обе стороны и
открывается вид на сидящую девушку – «немку»*

Немка (*плачет читая письмо, постоянно вытирая платком слёзы*): «Русские снайперы и бронебойщики – несомненно, ученики Сталина. Они подстерегают нас днём и ночью. И не промахиваются... Пятьдесят восемь дней мы штурмовали один-единственный дом! Напрасно штурмовали... Никто из нас не вернётся в Германию, если только не произойдёт чуда. А в чудеса я не верю... Время перешло на сторону русских... Передай Николаусу, чтобы он не стремился в солдаты. Лучше днём и ночью работать и всю жизнь сидеть на сухом хлебе, чем это... в России».

*Немка роняет письмо, голову опускает на руку, падает
головой на стол, плечи содрогаются от рыданий*

Ученик: И наконец долгожданное сообщение Совинформбюро 2 февраля 1943 года: «Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окружённых в районе Сталинграда. Наши войска сломали сопротивление противника, окружённого севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск».

Ученица:

Всё наземь, в снег: и ружья и знамёна.
Лишь только руки – к небу. От земли.
Я видел – за колонною колонна, –
Я видел, как тогда они брели.
Брели, окоченев и обессилев,
Пространство получив в конце концов.
Пурга, как возмущённый дух России,
Плевала им неистово в лицо!
Рвала на них платки и одеяла,
Гнала, свистя, с сугроба на сугроб,
Чтоб им, спесивым, «матка, яйки, сало!»
Ну что ж! Забыв о доле Бонапарта,
И «матка, млеко!» помнилось по гроб!

Они брели, не в силах даже губы
Сомкнуть, чтобы взмолиться: «О, майн гот!»
А из снегов безмолвно, словно трубы
Спалённых хат, глядел на них народ...
О, как дрожало им, о, как дрожало
От тех недвижных взглядов: не укор,
И не прощенье, – поздно! – и не жалость
Они читали в них, а приговор
Всему, что было брошено на карту,
Доверено единственно ружью...
Они теперь извели свою!

Ученик:

На Мамаевом кургане тишина,
за Мамаевым курганом тишина.
В том кургане похоронена война.
В мирный берег тихо плещется волна.
Перед этою священной тишиной
встала женщина с поникшей головой.
Что-то шепчет про себя седая мать.
Все надеется сыночка увидеть.
Заросли степной травой глухие рвы.
Кто погиб, тот не поднимет головы.
Не придет, не скажет:
«Мама! Я живой!»
Не печалься, дорогая, я с тобой!»

Звучит песня «Молитва» в исполнении ученицы

Ученик:

...И наступила тишина. В дыму,

Бросая в снег скорее автоматы,
Выходят из руин по одному
И группами фашистские солдаты.
Заученно кричат они: «Капут!»
И кверху руки поднимают разом,
И длинной вереницею бредут,
Проходят мимо неуклюжим шагом.
А ветер улюлюкает, свистит
И шелестит лохмотьями мундиров,
И с ветром вверх тормашками летит
Бредовый миф о покоренье мира...
Кончалась ночь... Пора уже, пора!
Куранты бьют сквозь мрак и холод лютый.
Мы у костра под громкое «ура»
Рассвет встречаем праздничным салютом!

Все участники выходят по одному со свечами

Учитель: Победа! Кажется весь смысл жизни вложен в это слово. Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После битвы на Волге началось массовое изгнание оккупантов из Советской страны. И люди помнят – смерть в Сталинграде наступала мгновенно. Скорбь длится годами. Солдаты отдали свои жизни во имя общего счастья! Поклон земле, суровой и прекрасной, что вечно будет людям дорога! Здесь виден новый город – светлый, ясный, степная ширь и Волги берега. Став на земле суровой и прекрасной, копнешь песок, а он не желтый весь, Не золотистый он, а темно-красный, как кровь героев, пролитая здесь.

*Минута молчания. Звучит песня Высоцкого
«На братских могилах»*

Ученик:

Второе февраля –
Победа в Сталинградской битве!
Курган, скульптура Матери-
Отчизны, тишина...
И как в немом и черно-белом, старом фильме
Печален шаг потомков... Сердце... и Душа...
Здесь не чеканят шаг.
Здесь все открыто...
Идут и ветераны, Деды и Отцы...
И преклоняются к фамилиям убитых
За жизнь, что после... Матери... Сыны...
Звенят медали...
Алые гвоздики –
На мрамор памяти от всех живых!
И русское, извечное
Простите...
На склоне...
в Храме Всех Святых...
Минута длится... в слезы верить...
И жизнь как Покаяние - длинна!
А подвиг ваш... конечно, не измерить...
Все потому, что Родина... Одна!

Ученица поет песню «Ты же выжил, солдат»

«СЫН»

Инсценировка по одноименному рассказу Х. Авшалумова

Действие происходит в самом конце пятидесятих годов. Дагестанские чабаны на сцене ходят в бурках.

Корреспондент замечает сидевшего к нему спиной старого чабана

Корреспондент: Салам Алейкум.

Старый чабан поворачивает голову в его сторону и кивает

Старый чабан: Салам. Погоди, добрый человек.

Корреспондент мнетя на одном мест

Корреспондент: Может помочь чем?

Старый чабан: Да чем ты поможешь, горожанин? Подожди, дай новой маленькой жизни родится.

Слышится слабое овечьё бляние

Корреспондент: Да что у вас там, отец?

корреспондент пытается заглянуть через плечо старого чабана, уткнувшего в край кулисы

Старый чабан (сам себе): Вот так! И хорошо... *(из-за кулисы показывает овечью мордашку)*

Корреспондент: Надо же, какой хорошенький... Все молодцы, и овца и ягненок, и ты, отец... и я, что увидел такое чудо.

Старый чабан встает

Старый чабан: Ну, «богатырь», узнал кто твоя мать, а теперь попробуй материнское молочко!

Корреспондент замечает кувшин

Корреспондент: Давайте, полью.

Старый чабан моет руки

Старый чабан: Вот спасибо. *(Вытаскивает из кармана носовой платок и обтирает им руки)* Сейчас ходи да гляди, что ни день, то десять-пятнадцать овец ягнятся у меня в отаре. Сегодня это уже четырнадцатая. *(Обменивается рукопожатием)*

Корреспондент: Значит, в этом году хорош приплод.

Старый чабан: Верно... *(Чабан на мгновение умолкает, потом с неожиданным любопытством смотрит на атрибуты корреспондента – фотоаппарат и плечевую сумку)* В командировку?

Корреспондент: Да, я из республиканской газеты.

Старик понимающе кивает головой

Старый чабан: Садись.

Заходит молодой чабан. Молодой юноша, лет семнадцати. Внешность славянской национальности

Молодой чабан: Отец... (*Замечает корреспондента и направляется в его сторону*) Салам алейкум.

Корреспондент, чуть пристав, отвечает на рукопожатие

Корреспондент: Ваалейкум асалам.

Корреспондент не сводит глаз с юноши

Молодой чабан: Отец, я отнесу ягненка в котару, в тепляк.

Старый чабан молча кивает и молодой чабан скрывается у входа

Корреспондент: Это ваш сын?

Старый чабан: Да. Мой помощник. Хороший чабан? Правда молод еще очень.

Корреспондент: Вижу, что трудолюбивый. Да и мальчик такой красивый, светлый.

Старый чабан (*торопясь*): Сейчас я чай поставлю.

Корреспондент: Нет, нет! Не суетитесь. Я только из дорожной столовой. Материал весь собрал, думаю котару посмотрю. За мной должны заехать, подкинут до города. Я посижу здесь, у вас интересно.

(Прислушивается) И кто так блеет, прямо разрывается...

Старый чабан: Да это овца, у которой два дня назад после родов пал ягненок. Мы с сыном решили завтра загнать ее в специальную клетку, запереть ее там на два три – дня и приставить к ней чужого ягненка, мать которого принесла двойню. Ничего, привыкнет к нему, полюбит как своего.

Корреспондент: Вы так уверенно говорите.

Старый чабан: Жизнь знаю.

Вновь заходит молодой чабан с чашей яблок в руках. Он ставит угощение перед гостем и подходит к отцу

Молодой чабан: Отец, пока здесь тихо я съезжу на почту? Может письмо от матери пришло?

Старый чабан: Хорошо, Иса. Возьми лошадь, езжай.

*Корреспондент не отрываясь
смотрит на молодого чабана*

Молодой чабан: Может чего прикупить надо?

Старый чабан: Да, все есть, сынок. Сам там смотри. Счастливо тебе.

Молодой чабан: *спасибо, отец. Я пойду тогда.
(Молодой чабан уходит)*

Старый чабан: На центральный кутан колхоза поехал. Две недели о матери нет письма и вот волнуется. Заодно и свежие газеты прихватит.

Корреспондент смотрит вслед ушедшего

Корреспондент: Да, странно как-то...

Старик *(суетясь)*: Да ты яблоки ешь.

Корреспондент *(медленно)*: Спасибо.

Вновь громкое бляние овцы

Старый чабан: Капризная какая овца. Не ест, не пьет, все время кричит. *(Старик протягивает яблоки корреспонденту, тот машинально берет яблоко. Старик с аппетитом откусывает свое яблоко)* Сладкие.

Корреспондент: А знаете, мне сначала показалось, что мальчик не ваш сын, а какой-то русский парнишка. *(Старый чабан вздрагивает, суетясь оставляет яблоко в сторону. Корреспондент тоже суетиться)*. Да, вы меня не поймите по дурному. Просто думаю, может у вас жена русская.

Старый чабан: Нет, моя Шахрузат не русская. Мы с ней с одного аула.

Корреспондент смущается еще больше

Корреспондент: Извините. Просто у меня такое чувство, что с этим парнем я встречался уже. Война с Германий уже кончилась, а вот ребят, с которыми воевал вместе не забываю. Был там один дружок

русский – ну прямо одно лицо. Вот и вспомнилось...
(Пауза) Может вам не приятно, вы уж не сердитесь...

*Старик поворачивается и смотрит в глаза
корреспонденту*

Старый чабан: Ты, кунак, верно заметил. Иса у меня неродной сын, а приемыш... (Пауза)

Корреспондент: Да вы не волнуйтесь так, я ведь просто спросил...

Старый чабан: У меня, кунак, нет своих детей. Дети у меня были, но все умерли, когда еще маленькими были. И что только я не делал, что бы спасти их: и лекарства разные добывал, и знахарей приглашал заговаривать болезнь, не жалел последние деньги садага - и все попусту. За что меня Бог так карал – не знаю. Я боялся, что так и останемся с женой на всю жизнь бездетными. А на что она, жизнь, человеку без детей?

Корреспондент: Ну это да... оно конечно.

Старый чабан: Из девяти моих детей выжил только один. Магома его звали. И когда он болел - а дети, кунак, чем только не болели,- мы с женой сами чуть не умирали от горя и тревоги. А когда он чувствовал себя здоровым, резвился, смеялся, казалось, счастливее нас не было на свете людей. Зато какой парень он стал, когда вырос, если бы ты знал: сильный, красивый, смелый. Словно судьба, которая всегда была неласкова к нам, наконец, сжалившись над нами, вознаградила нас с женой за наши потери, за наши страдания... Мы

собирались женить его, подыскали ему невесту, думали скоро, дай Бог, будем нянчить внуков, но тут к несчастью грянула война. *(Корреспондент понимающе качает головой)* - В первый же день войны мой сын ушел на фронт. Надо ли говорить, как тяжело было нам отправлять единственного сына на войну, где каждый день тысячам гибнут люди? Но что делать: когда враг грозит тебе, с кинжалом ломится в твою саклю, об этом не приходится думать. Да и сам он, как я заметил, был доволен и даже горд, что едет сражаться с ненавистным врагом, как подобает мужчине в такой грозный для Родины час.

Корреспондент: Настоящий джигит.

Старый чабан: Так вот, Я работал чабаном, день и ночь находился при отаре, но сердце, все мое существо были там, на фронте. Каждый день думали, гадали с женой: где сейчас наш сын, жив ли, а может ранен или, не дай Бог, убит? Если бы не письма, что он посылал нам регулярно, мы совсем бы извелись.

И вот однажды вместо письма от сына принесли нам какое-то извещение. Сказали от райвоенкомата. Ах, кунак, не знаю как тебе это передать.. Мне, скажу я тебе, было бы легче, в тысячу раз легче принять пулю в грудь или кинжалом в бок, чем услышать то, о чем писалось в этой черной бумажке... *(Пауза)*

Корреспондент: Да, горе война принесла столько, что в одну жизнь не вместить... Это уже навечно.

Старый чабан: Однажды весной 1943 года, месяца три спустя после гибели нашего сына, я как-то узнал, что в

город Хасавюрт привезли целый эшелон маленьких детей сирот из блокадного Ленинграда. Мы в то время, как и сейчас, находились на зимних пастбищах. Оставив отару на попечение младшего чабана, я немедленно отправился в город на попутной машине. И сразу - в детдом, где разместили эвакуированных ребят. В те дни многие приходили сюда, что бы взять осиротевших детей, поэтому моему приходу никто не удивился. Был как раз послеобеденный час. Малыши все спали на маленьких кроватках. Все они были ужасно худые, изможденные и такие жалкие, смотришь - комок к горлу подступает.

Вместе с директором детского дома мы осторожно пробирались мимо кроватей спящих детей. Когда я подошел к кроватке одного из малышей, такого же заморыша, как почти все остальные, который спал, склонив на бок белую, будто седую головку, он вдруг открыл глаза, уставился на меня и, представьте себе, начал улыбаться мне так, будто он меня хорошо знает или я родной ему. *(Старый чабан смахивает набежавшую слезу)* -

Словом, чего ту долго говорить, вот с этого дня этот русский малыш вошел в нашу жизнь, точно солнышко, озарил ее и стал нашим сыном. И вы же видели каким он молодцом выглядит сейчас. Работает со мной в отаре и учится заочно в ветеринарном техникуме.

Корреспондент: А какой была фамилия у Исы, когда вы усыновили его?

Старый чабан улыбнулся и даже чуть посмеялся

Старый чабан: Знаешь, смешная такая – Петухов. *(Корреспондент неожиданно вскакивает. В это же время громко заблеяла овца за стенкой).* - Что с тобой? Ох, уж эта капризница, не дает гостю отдохнуть. *(Старик подымается).* - Пойду, посмотрю, может помогу чем. От ее рева и сидишь беспокойно. *(Уходит, оглядываясь на корреспондента)* – Ты сиди, а я сейчас посмотрю там...

Корреспондент взволнованно ходит взад – вперед по авансцене и неожиданно останавливается ближе к зрителям

Корреспондент: Я вспомнил где я видел не Ису, а человека, который поразительно похож на него. Это же был мой однополчанин, молодой солдат – кавалерист Владимир Петухов. Да, да... Я помню, хотя Петухов был ленинградцем, бойцы в шутку дразнили его, называя «тамбовским казаком». Я до сих пор не знаю, что кроется за этой шуткой. Но я хорошо помню то, что и «тамбовский казак» не оставался в долгу... Я ведь знаю, что у него жена умерла в блокадном Ленинграде, а его полторагодовалого сына эвакуировали, но куда - он не знал.

В январе 1943 года во время нашего наступления на Кубани осколком фашистского снаряда ему оторвало кисть левой руки. И с тех пор мы не виделись. Но у

меня дома сохранилась его фотография с адресом. Сколько же прошло с тех пор его сыну было полтора года. *(считает про себя)* Так, уже более пятнадцати лет прошло с окончания войны, плюс полтора... Точно! Никакой он не Иса, это не его сын! *(Вновь начинает ходить взад-вперед и вдруг резко останавливается)* Это сын Володьки Петухова! Это его сын! Что же мне делать? мы не видимся с ним, но каждый год я отправляю ему поздравительную открытку с Днем Победы. Сказать ему правду или не сказать? И отец мальчика настоящий и вновь приобретенный жили не сладко, и одному и другому в военное время досталось... Сохранить все в тайне или написать в Ленинград, что жив его сын? Не знаю.... *(корреспондент останавливается и замирает на месте. После заходит старый чабан).*

Старый чабан: Послушай, там машина за тобой пришла, они в город едут.

Корреспондент: Вот хорошо *(возится с полевой сумкой)*. Сейчас поеду, работу сделал, будут похожие репортажи для газеты о трудовых буднях чабанов.

Старый чабан: Яблоки хоть возьми.

Корреспондент: Нет, отец, спасибо.

Старый чабан: А то остался бы на ночлег. Мясо сварим, хинкал покушаем... Я смотрю работа у тебя тоже нервная...

Корреспондент: Да все в порядке. *(протягивает старому чабану руку)* еще раз спасибо и здоровья вам.

*Жмут друг другу руки.
Корреспондент идет в сторону выхода*

Старый чабан (*вслед*): И тебе того же, сынок.

Неожиданно появляется Иса с конвертом в руке

Иса (*радостно*): Отец! От мамы письмо! Письмо от мамы...

Затемнение на сцене

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	2
«На постое» (Драматический этюд)	8
«900 ДНЕЙ МУЖЕСТВА» (Сценарий, посвященный блокадному Ленинграду).....	25
«СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА» (Сценарий, посвященный Сталинградской битве)	42
«СЫН» (Инсценировка по одноименному рассказу Х. Авшалумова).....	60

**Министерство культуры Республики Дагестан
Республиканский Дом народного творчества**

«НА ПОСТОЕ»
**Сценарно-репертуарный сборник
к 75-летию Победы**

Подготовлено
РДНТ МК РД
367010, г. Махачкала,
ул. О.Кошевого, 35 «а»
8(8722) 62-99-87, факс: 62-39-68
E-mail: rdnt35@yandex.ru,
web-site: www.dagfolkultura.ru.

Копирование и использование данных материалов без ссылки на
Республиканский Дом народного творчества МК РД запрещены